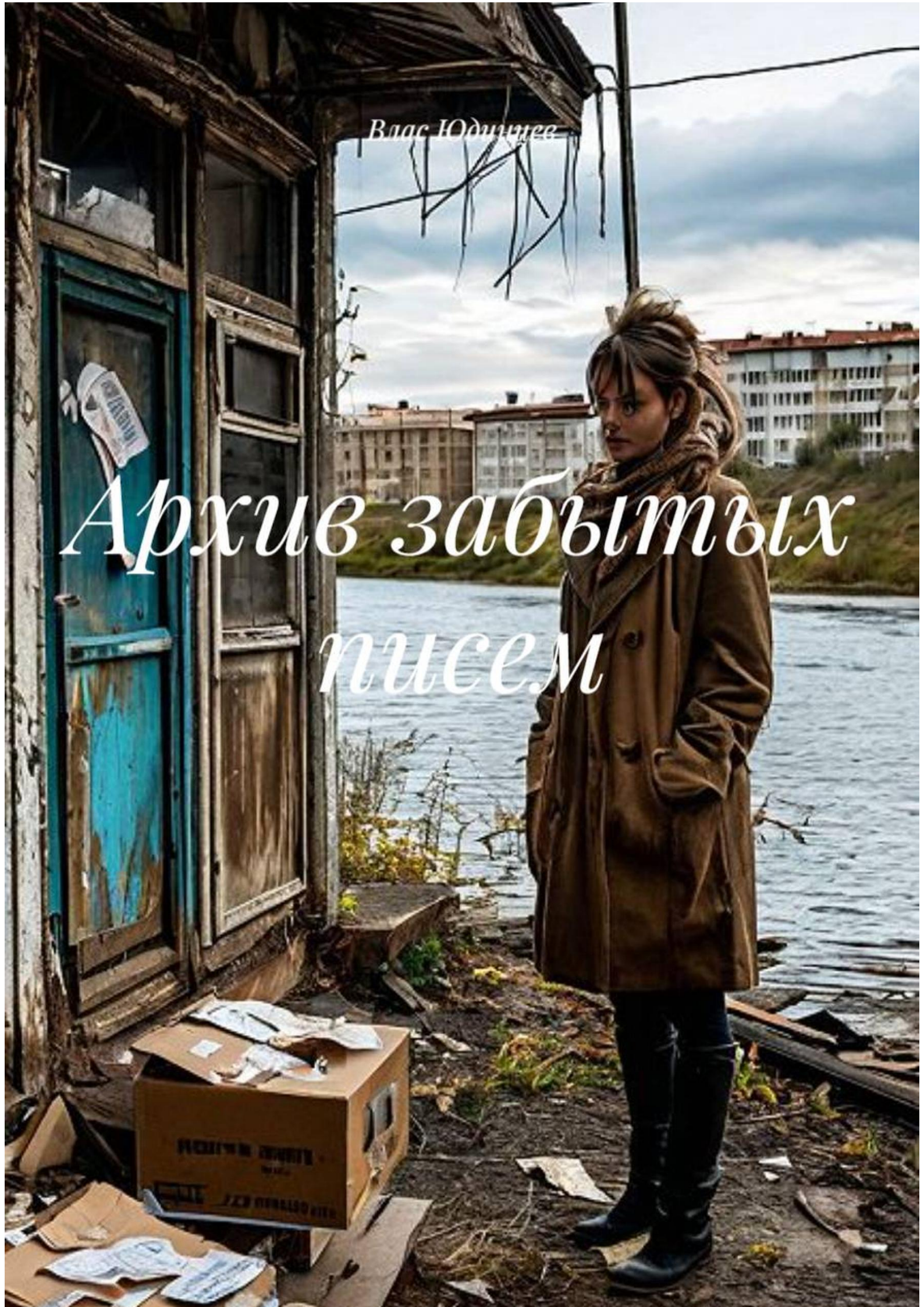

Влас Юдинцев

Архив забытых писем

Влас Юдинцев

Архив забытых писем

«Автор»

2026

Юдинцев В.

Архив забытых писем / В. Юдинцев — «Автор», 2026

В небольшом российском городе на берегу реки стоит старое почтовое отделение, которое уже почти не работает. Его собираются закрывать. Главная героиня — Кира, 34 года, бывшая журналистка, которая после выгорания вернулась в родной город и устроилась подрабатывать в это отделение. В подвале она находит коробки с письмами, которые по разным причинам не были доставлены адресатам: часть из-за ошибок в адресах, часть — потому что адресатов уже нет, а часть — потому что письма были намеренно спрятаны. Среди них — пачка писем 1998 года, адресованных одному человеку, но ни одно не дошло. Кира решает найти, кому они предназначались, и почему их никто не получил. По мере поисков она обнаруживает, что эти письма связаны с исчезновением подростка в том же году. И чем ближе она к разгадке, тем сильнее прошлое начинает влиять на её настоящее: странные совпадения, повторяющиеся фразы, сны, в которых она видит город таким, каким он был в 1998-м.

© Юдинцев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Влас Юдинцев

Архив забытых писем

Пролог

Вода в реке была цвета старого серебра. Такой она запомнилась Кире навсегда — тяжелой, холодной, даже в июле, и пахнувшей илом и чем-то далеким, может быть, морем, до которого отсюда было шестьсот километров. Она стояла на мосту, глядя, как низкие облака цепляются за шпиль колокольни, и чувствовала, как плечи постепенно отпускает та привычная, въевшаяся в кожу тяжесть, которую она носила с собой последние два года. Москва осталась там, за горизонтом, с ее бесконечным шумом, мигающими экранами и чужими лицами. Здесь было тихо. Даже ветер словно извинялся, прежде чем коснуться ее щеки. Кира не знала, зачем согласилась. Когда тетя Нина, сторбленная и вечно кашляющая в кулак, позвонила и сказала: «Приезжай, поможешь с бумагами, а то у меня рука уже не та», — она хотела отказаться. У нее не было денег, не было планов, и даже желания вставать по утрам почти не было. Но слово «бумаги» сработало как триггер. Слишком много бумаг осталось в ее жизни недописанными. Теперь она стояла напротив здания почтового отделения, которое значилось в документах как «Городской узел связи 3». Когда-то, в девяностые, сюда выстраивались очереди — получать пенсии, отправлять бандероли, покупать марки с видами местных храмов. Сейчас дверь была приоткрыта, и изнутри тянуло затхлостью и сухими чернилами. — Проходи, чего встала, — голос тети Нины скрипнул из глубины. — Тут не на что смотреть. Кира шагнула через порог. Пол под ногами жалобно охнул. В нос ударил запах времени — смесь пыли, старой бумаги и машинного масла. Почтовое отделение было маленьким: зал для посетителей с одним-единственным окошком, за которым угадывался стул, и дверь в подсобку. Все стены были увешаны объявлениями — пожелтевшими, с оторванными уголками. — Держи, — тетя Нина сунула ей в руки тяжелую связку ключей. — От подвала. Там еще с прошлого века коробки стоят. Надо перебрать, что гореть, а что — в макулатуру. Скоро здание закроют, все вывозить будут. Кира взвесила ключи на ладони. Металл был холодным, как вода в реке. — А что там? — Письма. Недописанные истории. — Тетя Нина чихнула. — Знаешь, сколько народу отправило восточку и не дождалось ответа? Полгорода. Иди, посмотри. Может, найдешь что-то интересное. Она говорила это так, будто знала что-то, что не договаривала. Но Кира была слишком уставшей, чтобы копаться в чужих интонациях. Она спустилась в подвал. Ступеньки вели вниз круто, почти вертикально. Света было мало, и Кира чиркнула зажигалкой, которую носила в кармане джинсовки, хотя никогда не курила. Слабый огонек вырвал из темноты ряды стеллажей. Все они были заставлены коробками — картонными, с неровными краями, подписанными каллиграфическим почерком: «1995», «1996», «1998». Воздух здесь был гуще, плотнее. Казалось, он состоял из чьих-то вздохов. Кира провела пальцем по пыли на ближайшей коробке. Год — 1998. Мягкий шрифт. Она откинула крышку. Внутри лежали письма. Сотни писем. Конверты с марками, без марок, запечатанные, незапечатанные, некоторые — просто сложенные вчетверо листы без конвертов. Кира взяла первое попавшееся. Адрес на конверте был написан аккуратным, слегка наклонным почерком: «Волошину А.В., ул. Набережная, 17, г. Заречный, 1998 год». Она перевернула конверт. Штемпель был четким, не стертым: «28 июля 1998». — Интересно, получил ли ты свои письма, — пробормотала она и убрала конверт обратно. Но рука сама потянулась к другой пачке. На этот раз конверты были перевязаны бечевкой, как будто кто-то специально собирал их воедино. Кира развязала узел. Восемь писем. Все на одно имя. Все на один адрес. И ни одного штемпеля о получении. «Волошину А.В.». Она открыла первое. «Здравствуй, А.В. Я пишу, хотя и не знаю, дойдет ли это до тебя. В городе странно.

Люди боятся говорить друг с другом. После того, что случилось, даже воздух стал другим...» Дальше шел размытый абзац — чернила выцвели, и некоторые слова было невозможно разобрать. Но последняя строчка читалась четко: «Я знаю, кто это сделал. Но если я скажу, меня никто не услышит. Ты умеешь слушать, А.В. Поэтому я пишу тебе». Письмо обрывалось. Без подписи. Кира перечитала его трижды. В груди шевельнулось что-то, что она принимала за интерес. Она открыла второе письмо. Потом третье. Все они были адресованы Волошину А.В. И все они говорили об одном и том же: о грозе, которая случилась в городе 14 июля 1998 года, о пропавшем подростке по имени Олег, и о «том, кто все видел». Кира не знала никакого Олега. Она вообще не помнила 1998-й — ей тогда было всего шесть, и она жила в соседнем районе. Но что-то в этих буквах, выведенных чужой рукой, заставило ее замереть. Прямо в подвале, среди пыльных коробок, она почувствовала, как время сдвинулось. Она закрыла глаза. И на мгновение ей показалось, что где-то вдали, наверху, раздался гром. Но небо было ясным. Это было начало.

Глава 1

На следующее утро Кира проснулась с ощущением, что кто-то смотрит на нее. Комната была пуста. Но на стуле, у окна, лежала та самая пачка писем. Она принесла их с собой вчера вечером, не зная зачем. Тетя Нина нахмурилась, увидев бечевку, но ничего не сказала. Только поджала губы. Кира села на кровати. Солнце пробивалось сквозь выцветшие занавески. В городе было тихо, слышно было, как где-то на улице гремит тележка — наверное, молочник. Она снова взяла первое письмо. Сегодня, при дневном свете, оно выглядело иначе. Чернила казались не выцветшими, а намеренно размытыми — как будто их размазала влага. Может быть, кто-то плакал над этими строчками. Может быть, сам автор. Она попыталась разобрать размытый абзац. Что-то о «пороге» и «дороге». Кира нахмурилась. Язык был странным, почти поэтичным, как будто писавший не столько сообщал факты, сколько исповедовался. «Я знаю, кто это сделал. Но если я скажу, меня никто не услышит». Кто это — «сделал»? Что случилось с Олегом? И почему ее так цепляет эта история? Она налила себе воды из графина. Вода была теплой, с металлическим привкусом. Такой же, как в Москве, только здесь она ощущалась почему-то роднее. В дверь постучали. — Кира, ты встала? — голос тети Нины. — Да. Заходи. Тетя Нина вошла, неся на подносе бутерброды с маслом. Она была маленькой, сухой женщиной, похожей на птичку. Но глаза у нее были цепкие, внимательные. Она поставила поднос и села на краешек стула. — Нашла, значит. — Что? — Письма. Те, что в бечевке. Кира удивленно подняла бровь. — Откуда ты знаешь? — Я их видела. Давно. Лет двадцать назад, когда разбирала архив. Они лежали отдельно. — Тетя Нина помолчала. — Ты не лезь туда, Кира. Это чужое. И стародавнее. — Почему они не дошли? Адрес ведь правильный. Я проверила — улица Набережная есть. Тетя Нина отвернулась к окну. — Дом снесли. В том же году, 1998-м. После того как Олег пропал. Родители его уехали — продали дом, и его снесли. А письма... ну, они остались здесь. Никто не знал, что с ними делать. Отправителю ответить невозможно — его тоже нет. — Что значит «нет»? Умер? Тетя Нина вздохнула. — Я не знаю. Я знаю, что Олег пропал. И знаю, что в тот вечер была гроза. Самая страшная за последние десять лет. Молния ударила в колокольню, и оттуда посыпались камни. Люди говорили, что это знак. Что город не принял что-то. — Какую-то правду? — спросила Кира. Тетя Нина резко обернулась. — Я сказала тебе: не лезь. Ты приехала отдыхать, а не расследовать. Работай в отделении, сортируй коробки. Там есть письма с 1987 года, из Германии. Вот их разбери. А эти... — она указала на пачку, — отдай мне. Кира посмотрела на тетю. Она видела страх. Настоящий, животный страх в глазах женщины, которая не боялась ни крыс, ни гроз, ни переездов. — Хорошо, — сказала Кира. — Я отдам. Она соврала. И тетя Нина это знала. Но они обе сделали вид, что поверили друг другу. Когда за тетей закрылась дверь, Кира распаковала остальные письма. Их было двенадцать — не восемь, как она думала сначала. Два последних были в отдельных конвертах, без обратного адреса, но с тем же почерком. В одиннадцатом письме было написано: «А.В. Если ты читаешь это, значит, я уже ушла. Я не могу больше молчать. Я видела, как он уходил на мост. И видела, как он не вернулся. Скажи полиции, что это был не несчастный случай. Скажи им, что кто-то ждал его у старого дуба. Я боюсь называть имя. Но ты поймешь, если согласишься на карту. Там, где река делает изгиб. Там, где трава примята. Я не знаю, что с ним сделали. Но я знаю, кто». Кира похолодела. Она перечитала это три раза. «Я не знаю, что с ним сделали. Но я знаю, кто». Она взяла последнее, двенадцатое письмо. Оно было короче. «А.В. Прости. Я пыталась. Но сегодня я поняла, что он тоже знает. Он смотрел на меня из окна, когда я шла по набережной. Я не успею. Прощай. Если ты получишь это письмо, прочитай, и запомни: это был не он. Тот, кого все подозревают. Это был кто-то другой. Тот, кто всегда рядом. Слишком рядом». Буквы дрожали. Последнее слово было написано почти неразборчиво, как будто рука дрожала. Кира отложила листы. Сердце колотилось. Кто этот А.В.? Почему письма были адре-

сованы ему, а не полиции? И главное — кто написала их? Судя по почерку и интонации, это была женщина. Молодая, вероятно. Влюбленная. Или очень близкая к Олегу. Она потянулась к первой странице и снова прочитала размытый абзац. На этот раз свет упал под другим углом, и она смогла разобрать одно слово, которого не видела раньше: «Свидетель». Кира медленно перевела дыхание. Это было не просто совпадение. Это была ниточка, которую она держала в руках. И она знала: если она ее отпустит, то уже никогда не сможет писать. Никогда не сможет снова чувствовать себя живой. Она поднялась, надела джинсовку и вышла из дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.